
И на вершине, и на дне,
во тьме ночной и днём
Господь нуждается во мне,
и я нуждаюсь в Нём.

Не поддаётся духу плоть.
Но мы её смирим.
Со мной повсюду мой Господь.
И я повсюду с Ним.

Когда ж архангел вострубит
конец пути сего,
Господь за всё меня простит.
И я прощу Его.

Я тоже навечно в ответе
за эту дремучую даль,
за сосны угрюмые эти,
за роц одичалых печаль,
за землю, седую от стужи,
за выжженный солнцем зенит,
за то, что внутри и снаружи,
за то, что щемит и саднит...
И памяти рана сквозная
во мне до скончания дней...
А родина даже не знает,
что я существую на ней.

Живи, живи, живи, пока
по небу ходят облака
и порознь, и гуртом.

Люби, люби, люби, пока
в твоей руке моя рука.
И после. И потом.

Когда на землю упадёт
безумная луна,
моя душа твою найдёт
и выплывет со дна.
Над бездной гибельной скользя,
мы встретим свет иной.
Но душам по двое нельзя.
Им должно по одной.
И навсегда порвётся нас
связующая нить...
А что мешает нам сейчас
терпеть, прощать, любить?..

Если бы мы
не забивали головы пустяками,
то давно бы заметить смогли,
как мёртвые корни
выходят живыми ростками
с другой стороны Земли...

Если бы мы
поднимали хоть изредка лица
и отворяли щели очес,
то увидали бы
как падают в небо мёртвые птицы
и оживают с той стороны небес...

Хоть вой, хоть вены полосуй,
а жизнь — сильнее.
И вслед за чёрной полосой —
ещё чернее.

Но ты привыкнешь ко всему.
И к боли — тоже.
Чтоб в обступающую тьму
глядеть без дрожи.

Стихает боль, сдыхает злость.
И вроде — легче...
Но что-то с временем стряслось —
совсем не лечит.

А молодость слепа
и глупостью чревата.
Но знаньем таковым
мы души не спасём.
Я виноват лишь в том,
в чём ты не виновата.
А это значит, что
я виноват во всём.
За счастье и любовь
мы задолжали миру.
Вон видишь — там, в ночи, —
летающая звезда...
Она красна, как кровь.
Её зовут Нибиру.
Она настигла нас.
Она летит сюда...

С трудной думой на челе,
прямо и кругами,
что ты ходишь по земле
грязными ногами?

То в себя уходишь вдруг,
то обратно выйдешь...
Что ты смотришь так вокруг,
словно что-то видишь?

Отчего, себе не люб,
лебеду пинаешь
и зачем-то морщишь лоб,
будто что-то знаешь?..

Рассеется смрад и дым.
И солнце взойдёт из тьмы.
Конечно же, мы победим.
А кто же, если не мы?

И жалким календарём
подавятся пусть года.
Конечно же, мы не умрём.
Ни капельки. Никогда.

Декабрь — угрюмый ирод —
безжалостен к живым.
Как холодно и сиро
под небом ледяным!

Издохли батареи.
И в инее стена.
А душу чем согреешь,
промёрзшую до дна?

Торосами дорога.
И мир затёрт во льду.
Ты потерпи немного —
согреемся в аду.

Всё останется между нами,
ото всех и всего таясь,
нестирающимися снами,
потерявшими смысл и связь,
замороженными словами,
безответными, хоть ори...
Всё останется между нами,
замурованное внутри.

...помню лишь
оглушительный выстрел в висок
в тот миг,
когда я впервые тебя увидал...
и как медленно
падает
на
песок
тень моя,
сражённая наповал...

Снова ночь. И день вчерашний
на губах горчит.
Оглушительно и страшно
телефон молчит.

За окном то снег, то ливни,
то весенний ад...
Позвони мне! Позвони мне
сорок лет назад!

Всего-то и надобно — остановиться,
поднять к воспалённому небу глаза
и долго следить, как усталая птица
над лесом летит и скрывается за ...
Как солнце колеблется в дымке закатной
и медленно падает за окоём...
И время опомнится, пятясь обратно, —
к чему-то, забытому в прошлом своём.
И сердце очнётся, и память помчится
туда, где ни смерти, ни времени нет,
где вящие кущи и вещи птицы,
и неугасающий свет...

На крыльях бабочек все буквы алфавита,
весь Бытия немислимый словарь.
Скажи, какая истина сокрыта
в тебе, очаровательная тварь?

Какая мысль неизречённая таится
в любой твоей чешуйке слюдяной,
когда ты две дрожащие страницы
распахиваешь вдруг передо мной?

Все смыслы сущего, все тайны мироздания
я, кажется, вот-вот постичь готов...
Я вижу букв знакомых очертанья...
Но, Боже, я не знаю этих слов!..

Хорошо живём на свете,
нивы пашем, пашни жнём.
А за это всё в ответе
некто Пушкин, агроном.

Подрастают наши дети,
в лагерях мотают срок.
А за это всё в ответе
некто Пушкин, педагог.

Поматросит жизнь и бросит,
и отнимет всё у всех.
Вот тогда за всё и спросит
Некто в небесех.

Толстый месяц лежит на воде
и не хочет никак утонуть.
Выйдешь ночью по малой нужде,
а потом не сумеешь заснуть.

Всё ворочаешься, как дурак.
Всё как вечный терзаешься жид.
Ну чего он не тонет никак?
Ну чего он лежит и лежит?

Интервенция

Куда ни глянь — чужие вывески.
Куда ни кинь — чужая речь.
И чуждый дух уже не вывести.
И своего не уберечь.

Всё меньше остаётся родины.
Всё отчуждённей небеса.
И Русь уходит огородами
в свои дремучие леса.

Не для, не ради, не во имя —
назло и вопреки —
под небесами нечужими
живём, как чужаки,
давясь своим насущным хлебом,
в безвыходном «сейчас»...
И только смерть под этим небом
объединяет нас.

Заколоченные дачи.
Дышит близким снегом даль.
Вот и стали мы богаче
на ещё одну печаль.

Небо дряхлое всё ниже
вью гнёт перед зимой.
Вот и сделались мы ближе
к нашей финишной прямой.

Вот и кончились вопросы.
Дней разъялась череда.
Только снег, летящий косо
в никуда...

Октябрь

Креплёной тоской осенней
упьюсь я сегодня в мат.
От осени нет спасенья.
Ну разве что — зимний хлад.

Приемли любое время,
в которое ты живёшь.
Ноябрь уже дышит в темя
и клёны бросает в дрожь.

Каприччо аллей усталых
канючит унылый альт.
И кровью ранеток палых
забрызган сырой асфальт.

Предтеча

Ранится о плоть
хрупкая душа.
Смерть не побороть,
если жить греша.

Если в сердце свет —
не пугайся ран.
Тяжесть лет и бед
смоет Иордан.

Всё — лишь тлен и прах
суеты земной.
Если в сердце страх —
не ходи за мной!

Если в сердце зло —
выжигай огнём.
Я пришёл светло
возвестить о Нём.

Я пришёл встречать.
И горит во мгле
Божия печать
на Его челе.

Лампе настольной
не осветить всей тьмы
этого мира.
Три метра — её предел.
Лампе подобно,
тщимся светить и мы.
Но слишком тускл наш удел.
Вот и попробуй,
всю осознав тщету,
тут не сойти с ума.
Сколько отпущено нам
на свету —
знает лишь тьма сама.
Только Господь
не даёт заблудиться мне
и озвереть от тоски.
А чтобы тебя отыскать во тьме —
хватит руки.

Хватишься — время вышло. Скучная горсть в остатке.
Глупо искать виновных и предъявлять счета.
Это как в небе звёзды расстреливать из рогатки
или кидаться в Сену с Бруклинского моста.

С времени взятки гладки. Время темно и скоро.
Всё ему трали-вали, всё ему трын-трава.
Что там в ночи грохочет? Может, шаги Командора?
Или всего лишь только последний пустой трамвай?

Жизнь — черновик, в котором ни запятых, ни точек.
Что ты оставишь миру, канув, как все, во мрак?
Несколько этих жалких, невразумительных строчек,
заживо погребённых в грудях ненужных бумаг?..